

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 821.14

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОБЫТИЯ: ПРИЕМ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ПОЭЗИИ

А.Г. Волкова

Аннотация. Анализируется одна из особенностей архаической поэтики, перешедшая в литературу более поздних эпох, – прием «списка» или перечисления. Этот прием рассматривается на материале византийского Акафиста Пресвятой Богородице, текст которого и в церковнославянском переводе показателен для анализа указанного поэтического приема. Помимо самой формы списка, перечисления различных именовании Девы Марии усложняются метафоричностью: каждый пункт списка представляет собой метафору, для которой необходима интерпретация в контексте Священного Писания или христианского богословия. Акафист имеет вполне определенную событийную основу, взятую из евангельского текста: событие Благовещения. Однако это событие, представленное в первичном евангельском тексте лаконично, в тексте Акафиста репрезентируется с использованием сложной метафоричности (на уровне образа) и перечисления (на уровне структуры). Все образы Акафиста условно распределяются по нескольким смысловым категориям, которые интерпретируются, например, с количественной точки зрения (какая категория является наиболее многочисленной). Подобный анализ языковой репрезентации позволяет не только структурировать поэтику византийской гимнографии, образцом которой является Богородичный Акафист, но и выявить особенности византийского мышления, повлиявшие на развитие искусства церковной поэзии.

Ключевые слова: репрезентация; перечисление; акафист; Византия; семантические категории; событие; представление.

Перечисление во многих исследованиях определяется как «стилистический прием», в который включаются ряды с «семантически разнородной» лексикой, а также ряды, семантика членов которых в лексической системе языка не противопоставляется [1. С. 3]. При этом перечисление не отождествляется с однородными членами предложения. В диссертации В.А. Левашовой, например, приводятся два конституциональных признака перечисления как стилистического приема – «вариативность структурно-синтаксической организации приема перечисления» и «открытость перечислительной цепи» [Там же. С. 13, 21].

Под вариативностью понимается возможность использовать в качестве элементов ряда перечисления словоформы, словосочетания и даже предложения при сохранении их одинаковой синтаксической функции (дополнения, обстоятельства, обращения и т.п.). Второй при-

знак – открытость ряда перечисления – подразумевает «неограниченность увеличения его линейной протяженности» [Там же. С. 13].

Перечисление, перечень как стилистический прием связан с особым типом сюжета: поэтика перечня, построенная на приеме перечисления, является одним из признаков кумулятивного сюжета, ранние формы которого не являются собственно повествовательными: в них нет развития сюжета с точки зрения хронологии и логики, эти тексты донарративны. Весь сюжет таких текстов – это перечисление, перечень, в котором репрезентируются определенные события.

На первый взгляд, подобное отсутствие логики приводит к бессвязности, однако данный поэтический прием обладает определенной семантикой. Во-первых, те явления, вещи, описания, которые рядоплагаются в одном списке, осознаются автором (чаще анонимным) как взаимосвязанные. Во-вторых, данные взаимосвязи представляют собой попытку осмысления мира как целого, поэтому анализ рядов перечислений в том или ином тексте позволяет прийти к хотя бы частичному пониманию того, каким образом мир является сознанию автора – представителя определенной эпохи и культуры.

В частности, к текстам с описанным сюжетом относятся (не во всем своем объеме) византийские церковные песнопения – кондаки и акафисты, особенно самый первый Акафист Пресвятой Богородице (примерная датировка – VI–VII в.), ставший композиционным, поэтическим и богословским образцом для всех последующих произведений такого жанра (именно поэтому его жанровая принадлежность – акафист – является одновременно названием данного конкретного произведения и пишется с заглавной буквы). Композиционно Акафист представляет собой текст из строф различного объема: 13 кондаков и 12 икосов. Каждый икос содержит по 12 «хайретизмов», т.е. строк, начинающихся со слова «радуйся», на греческом звучащего как «хайре»: по два «хайретизма» содержится в каждом предложении икоса, а тринадцатый «хайретизм» на протяжении всего Акафиста завершает каждый икос. Каждый кондак (более краткая строфа) заканчивается возгласом «Аллилуйя». Акафист начинается первым кондаком и заканчивается тринадцатым, который читается или поется три раза, после чего вновь читаются первый икос и первый кондак.

О поэтике византийской литературы имеется не так много исследований в отечественной филологии, исторической поэтике, литературоведении. Самая известная работа – это «Поэтика ранневизантийской литературы» С.С. Аверинцева [2], в которой не только раскрываются основные поэтические методы, но и совершается переход от языка, от того, как представлены (репрезентированы) те или иные образы, события, к описанию византийского мышления и мировосприятия. При этом ученый сосредоточивается больше на ритмической и образной стороне

Акафиста и рассматривает не одно какое-то произведение и его композиционно-поэтические особенности, а поэтические и мировоззренческие принципы византийской литературы в целом, приводя примеры из различных произведений.

О Богородичном Акафисте С.С. Аверинцев упоминает в связи с образом Девы Марии как Ковчега, вместившего Бога, Его Слово. Об этом образе речь пойдет впереди, однако сразу стоит отметить, что через образ Ковчега, Скинии исследователь выходит на особенности византийского мышления, отличающие его от мышления западнохристианского.

А.В. Михайлов, рассуждая о поэтике гораздо более поздней эпохи – барокко, говорит о XVII в. как о «завершении риторической эпохи», к которой относится и византийская литература. Одной из характерных черт барокко, унаследованной им как раз из предыдущей «риторической» эпохи, является попытка отобразить в художественном произведении (живописном или литературном) все многообразие и сложность мира: «Мир выстраивается как громадный каталог всего содержащегося в нем. И художественное произведение уподобляется такому миру-энциклопедии, или миру-цветнику; все метафоры мира – те, что осмысляют его со стороны целостности и полноты, – выражают осознание его как собрания разного, как коллекции (или *расклада разного*, в нашей терминологии). – *А.В.*» [3. С. 131]. Эта особенность поэтики, которая может быть названа приемом перечисления, перечня, характерна для многих византийских текстов различных жанров, с одним лишь отличием от того, что описал А.В. Михайлов: в случае византийских поэтических гомилий или, например, Богородичного Акафиста речь идет не столько о сложности мира и попытке ее осмыслить, сколько о стремлении подчеркнуть значимость описываемого события, уникальность того, что происходит, о стремлении выразить уникальность персонажей, участвующих в данном событии.

Если говорить об Акафисте, то необходимо напомнить его событийный прототип: в основе Акафиста лежит событие Благовещения, описанное в Евангелии от Луки, где повествуется о посещении Девы Марии архангелом Гавриилом, возвещающим Ей о зачатии и рождении Христа (Лк. 1: 26–38). В евангельском тексте этому событию отведено всего несколько строк и, конечно, оно никак не осмысляется богословски. Лишь затем, уже в позднейшей святоотеческой рецепции, эпизод начинает восприниматься как начало человеческого спасения, Мария – как Дева «до рождества, в рождестве и по рождестве», т.е. вводится концепт непорочного зачатия Христа. В связи с таким осмыслением начинает развиваться христианская (в нашем случае, если речь идет о византийской церковной поэзии, – восточнохристианская) мариология, т.е. учение о Деве Марии, которая, по мере появления и развития христологии (учения

о Христе), в частности о Богочеловечестве Христа – истинного Бога и истинного Человека, именуется не только Девой, но и Богородицей. Ветхий Завет начинает восприниматься в контексте Нового Завета, соответственно, многие поэтические и не вполне ясные ветхозаветные образы трактуются как «прикровенное» (имплицитное) описание Марии.

При этом евангельский нарратив, т.е. сама история, рассказ о том, как произошло Благовещение, в Акафисте полностью не исчезает в многочисленных строках, представляющих собой хвалу Деве Марии. Более того: в Акафисте имеется упоминание о событиях, которые произошли после того, как Мария приняла благовестие: посещение Марией своей родственницы Елисаветы, матери Иоанна Крестителя; сомнение Иосифа в том, что Мария осталась ему верна; Рождество Христово; посещение волхвов; бегство от царя Ирода в Египет; встреча с Симеоном Богоприимцем. Пример того, как в тексте Акафиста вычленяются собственно евангельские события, можно показать на самом первом из упоминавшихся евангельских событий – Благовещении:

Ангел предстатель с небесе послан бысть рещи Богородице: радуйся, и со безплотным гласом воплощаема Ты зря, Господи, ужасашеся и стояше, зовый к Ней таковая... (1 – здесь и далее цифра в скобках обозначает номер большей по объему строфы Акафиста – икоса. Текст Акафиста на церковнославянском языке цитируется по изданию [4. С. 5–24]).

Далее следует перечисление различных номинаций, относящихся к Деве Марии, с рефреном *Радуйся* (например, *Радуйся, звездо, носящая Солнце, радуйся. Утробо Божественного воплощения*). Только после этого, во втором кондаке и втором икосе Богородица отвечает Гавриилу, выстраивая тем самым диалог с Божественным посланником:

Видяще Святая Себе в чистоте, глаголет Гавриилу дерзостно: преславное твоего гласа неудобоприятельно души Моей является... (кондак 2);

...Дева возопи к служащему: из боку чисту, Сыну како есть родитися мощно, рцы Ми? (2).

И сразу же, во втором икосе, ангел отвечает на сомнения Марии:

К Ней же он рече со страхом, обаче зовый сице: Радуйся, совета неизреченного таиннице; радуйся, молчания просящих веро... (2).

Далее в этом икосе, как и в других, идет нанизывание, перечисление хвалебных номинаций Богородицы.

Даже из такого краткого примера видно, что евангельский текст хотя и присутствует в тексте песнопения, но перемежается рядами перечислений, как бы растворяясь в них, и представляет собой не самую объемную часть Акафиста. В Акафисте сохраняется евангельская диалогическая форма: и в первичном тексте, Евангелии от Луки, и в тексте византийского песнопения Благовещение представлено как беседа Гав-

риила с Марией с той разницей, что в Евангелии этот диалог лаконичен и в нем нет места никаким психологическим характеристикам, а в Акафисте диалог расширяется в том числе за счет указания на чувства персонажей (*ужасашеся, дерзостно, со страхом* и т.п.). Необходимо также отметить, что такие упоминания о евангельских событиях заканчиваются ровно на середине Акафиста: после шестого икоса, в котором говорится о бегстве в Египет (*Воссиявый во Египте просвещение истины, отгнал еси лжи тьму: идол ибо его, Спасе, не терпяще Твоея крепости, падоша...*), в тексте уже не содержится отсылки к первичному евангельскому тексту, т.е., начиная с седьмого икоса, автор Акафиста только восхваляет Деву Марию как принявшую благовестие архангела и послужившую воплощению Христа.

Таким образом, одно евангельское событие – Благовещение, знаменующее воплощение Христа, с последующими событиями, также относящимися к самому раннему детству Христа, – в Акафисте репрезентируется прежде всего как похвала Деве Марии и как некий Божественный акт, чудесное событие, благодаря которому Бог – Христос – воплотился и стал человеком.

Систематизация образов Акафиста оказывается сложной задачей в силу разнообразия и разнородности элементов, входящих в ряды перечисления. Иногда делается попытка делить эти образы, например на ветхозаветные и новозаветные. Действительно, несколько образов Марии, взятых автором Акафиста из Ветхого Завета, встречаются в одном ряду перечислений: *Радуйся, море, потопившее фараона мысленного; радуйся, камению, напоивший жаждущия жизни. Радуйся, огненный столпе, наставляяй суция во тьме... Радуйся, пице, манны приемнице... Радуйся, земле обетования* (6). Приведенные здесь элементы перечисления взяты из книги Исход Ветхого Завета: все это – элементы сюжета исхода еврейского народа из Египта под предводительством Моисея, которые в контексте Нового Завета стали осмысливаться как прообразы Девы Марии и Боговоплощения.

Однако при таком делении, соотносящемся со Священным Писанием, часть образов не включается ни в одну группу. В частности, к таким номинациям относятся *древо, цвет* (в значении «цветок»), *одежда, венец* и проч. Поэтому наиболее показательным, хотя и в определенной мере условным, представляется деление элементов рядов перечисления на несколько семантических категорий, каждая из которых выражает тот или иной аспект перцептивного опыта, обобщение которого стремится к выстраиванию структуры бытия, основанной на христианском миропонимании. При этом перечисления, о которых идет речь в данной статье, синтаксически поставлены в одну и ту же конструкцию: каждая номинация, действие, описание, репрезентирующие событие Боговоплощения, следуют за сказуемым *Радуйся*, выраженным

как на греческом, так и на церковнославянском глаголом в повелительном наклонении, и синтаксически выполняют функцию обращения (например, *Радуйся, Невесто неневестная*).

Указанные категории могут быть следующими: имена, действия, способности и качества, описания, объекты природы, мироздания, мира вещей [4]. Категория «имена» применяется в том случае, если в элементе ряда перечисления упомянуты имена собственные библейских или иных персонажей. Последняя из перечисленных категорий – объекты природы, мироздания, мира вещей – подразумевает образы из мира природы и вообще образы окружающей действительности, к которым применяется прием олицетворения (например, Солнце – это Христос, Звезда, являющая Солнце, – Мария), причем многие из природных образов взяты опять же из Ветхого Завета. Категории «действия», «способности и качества», «описания» очень тесно взаимосвязаны и выделяются скорее по грамматическим признакам: категория «действия» применяется, если элемент ряда перечисления содержит глагол либо причастие как особую форму глагола; категория «способности и качества» – если элемент содержит прилагательное или существительное; категория «описания» – если элемент является целым предложением с грамматической основой (чаще всего в тексте Акафиста такие предложения связываются с обращением *Радуйся* союзом *яко*).

Так как текст Акафиста небольшой по объему, то представляется возможным элементы всех рядов перечислений распределить по предложенным категориям (таблица).

Категория	Цитата из Акафиста
Имена	Адама воззвание, слез Евиных избавление (1)
Действия	Носиши Носящего вся (1); Свет неизреченно родившая, премудрых превосходящая разум, верных озаряющая смыслы (2); Плода бессмертного стяжание, Делателя делающая Человеколюбца, Садителя жизни наша рождающая, яко рай питный процветаешь, яко пристанище душам готовиши (3); прелести пещь угасившая, Троицы таинники просвещающая, Господа человеколюбца показавшая Христа, варварскаго избавляющая служения, тирании изымающая дел, огня поклонение угасившая, пламене страстей изменяющая (5); прелести державу поправшая, идольскую лесть обличившая (6); воскресения образ обличающая, ангельское житие являющая; во чреве носящая Избавителя плененным, рождающая Наставника заблудшим (7); противная в тожде собравшая, девство и рождество сочетавшая (8); любомудрая немудрая являющая, хитрословесная безсловесная обличающая; афинейская плетения растерзающая, рыбарския мрежи исполняющая; из глубины неведения

Продолжение табл.

Категория	Цитата из Акафиста
	извещающая; многи в разуме просвещающая (9); Ты бо обновила еси зачатия студно; Ты бо наказала еси окраденныя умом; тлителя смыслов упражняющая, Сеятеля чистоты рождающая; верных Господеву сочетававшая (10); яко гром, враги устрашающая; купели живописующая образ, греховную отъемлющая скверну (11)
Способности, качества	Еюже обновляется тварь, утроба Божественного воплощения (1); совета неизреченного таиннице, молчания просящих веро, чудес Христовых начало, велений Его главизно, Ангелов многословущее чудо, бесов многоплачевное поражение (2); всего мира очищение (3); невидимых врагов мучение, райских дверей отвержение, твердое веры утверждение, светлое благодати познание (4); верных наставнице целомудрия, всех родов веселие (5); исправление человеков, низпадение бесов; сладости святых служительнице (6); Судии праведного умоление; многих согрешений прощение; любы, всякое желание побеждающая (7); Бога неместимаго вместилище, неверных сумнительное слышание, верных известная похвало, надеждо благ вечных (8); премудрости Божия приятелище (9); начальнице мысленного наздания, подательнице Божественныя благодати; добрая младопитательнице девам, невестокрасительнице душ святых (10); обоняние Христова благоухания, животе тайного веселия (11); Святая святых большая; честная похвало иереев благоговейных; тела моего врачевание, души моя спасение (12)
Описания	...яко небесная срадуются земным, яко земная сликовствуют небесным; апостолов немолчная уста, страстотерпцев непобедимая дерзость; Еюже обнажися ад, Еюже облекохомся славою (4); из неяже течет мед и млеко (6); Еюже разрешися преступление; Еюже отверзся рай (8); яко обуяша лютии взыскатели, яко увядоша баснотворцы (9); яко многосветлое возсияваеши просвещение; яко многотекущую источаеши реку (11); Еюже воздвижутся победы, Еюже ниспадают врази (12)
Объекты природы, мироздания, мира вещей	Звездо, являющая Солнце (1); лестнице небесная, Еюже сниде Бог, мосте, преводяй сущих от земли на небо (2); отрасли неувядаемая розго, ниво, растящая гобзование щедрот, трапезо, носящая обилие очищения, приятное молитвы кадило (3); дворе словесных овец (4); звезды незаходимыя Мати, заре таинственного дне (5); море, потопившее фараона мысленного, камению, напоивший жаждущия жизни; огненный столпе, наставляяй сущия во тьме; покрове миру, ширший облака;

Окончание табл.

Категория	Цитата из Акафиста
	пище, манны приемнице; земле обетования (6); цвете нетления, венче воздержания; древо светло-плодовитое, от негоже питаются вернии; древо благосеннолиственное, имже покрываются мнози; одеждо нагих дерзновения (7); честнаго таинства двери; колеснице пресвятая Сушаго на Херувимех, селение преславное Сушаго на Серафимех; ключу Царствия Христова (8); промышленности Его [Бога] сокровище; кораблю хотящих спастися, пристанище житейских плаваний (9); столпе девства, дверь спасения; чертоже безсеменнаго уневещения (10); луче умнаго Солнца, светило незаходимаго Света; молние, души просвещающая; бане, омывающая совесть; чаше, черплющая радость (11); селение Бога и Слова; ковчеже, позлащенный Духом; сокровище живота неистощимое; честный венче царей благочестивых; Церкви непоколебимый столпе, Царствия нерушимая стено (12)

Как видно из приведенной таблицы, из пяти предложенных категорий наиболее многочисленны три: действия; способности и качества; объекты природы, мироздания, мира вещей. На первом месте по численности элементов рядов перечислений находится последняя категория – «объекты природы, мироздания, мира вещей». Это может свидетельствовать о том, что византийские церковные поэты уделяли много внимания бытовым реалиям и природным объектам, однако «прочитывали» их в своеобразном – символическом – ключе, причем такое прочтение основывалось на тексте Священного Писания, которое стало призмой для преломления быта в бытие. Когда А.В. Михайлов говорил о понимании мира как «мира-энциклопедии», «мира-каталога» применительно к «риторической эпохе», к которой относится и византийская литература, то имел в виду в том числе и это видение окружающей действительности как отображения высшего мира.

Две другие категории – действия, а также способности и качества – семантически близки друг к другу, однако имеют свои языковые особенности. Ряды перечисления, относящиеся к категории действия, очень часто строятся на принципе, роднящем языковые метафоры с музыкальным искусством, – принципе *concordia discors* (или *discordia concors*): «союз-вражда стихий» [6. С. 96–98]. Этот принцип, который можно по-иному назвать «согласие несогласного», основан на антинимии, соединяющей антонимические лексемы, причем данные лексемы могут быть антонимами только в контексте Акафиста. К таким антонимиям относятся сочетания типа *Носиши Носящего вся* (1), *Делателя делающая Человеколюбца*, *Садителя жизни наша рождающая* (3). Так, в

первом из приведенных примеров содержится информация, которая эксплицируется следующим образом: Господь – это *Носящий вся*, т.е. Творец всего, Тот, кто заботится обо всем мире. Дева Мария носит во чреве Господа, т.е. Она – Та, которая носит *Носящего вся*. Точно так же «разворачивается» смысл и других антиномий, основная цель которых – репрезентировать событие Благовещения, точнее, зачатия, воплощения Бога на земле. Так как это событие не поддается логическому описанию и объяснению (Бог становится человеком, а Дева рождает, оставаясь Девой), то необходимо для подобной репрезентации использовать метафорический язык, позволяющий хотя бы отчасти выразить невыразимое. В тексте Акафиста есть и эксплицитные указания на необычность, противоречивость описываемого события, также относящиеся к категории действия: *противная в тожде собравшая, девство и рождество сочетавшая* (8).

Также ряды перечисления в Акафисте имеют несколько особенностей, показательных для рассмотрения связи языка и культуры, мышления. Одна из этих особенностей – наличие синонимов в рядах перечисления, например *Скиния, Ковчег, Вместилище*. Все эти образы употребляются в разных строфах (икосах), однако все они являются синонимами с общей семантикой «некое замкнутое пространство, в котором находится (живет, обитает) Бог или Божье Слово». Здесь необходимо вернуться к тому, что говорил С.С. Аверинцев конкретно об этом образе Акафиста: «...ветхозаветная топка Ковчега Завета, Скинии и затем Святая Святых Иерусалимского храма, то есть локусов Божественного Присутствия... остается... актуальной и действенной для мистического материализма византийской традиции... В византийской гимнографии, например, в том знаменитейшем гимне, который именуется Акафистом Пресвятой Богородице, мариологические образы и метафоры, соотнесенные с присутствием Божиим над Ковчегом Завета, появляются снова и снова: “Бога невместимаго Вместилище”, “Колеснице Пресвятая Сушаго на Херувимех”, “Скиния Бога и Слова”, “Святая Святых большая», «Ковчеже, позлащенный Духом»» [6. С. 431, 433]. Таким образом, внутри рядов перечислений еще и варьируется образ с одной и той же семантикой, выраженный различными лексемами.

Возвращаясь к различиям западнохристианского и византийского (восточнохристианского) типов мышления, о чем говорилось в самом начале статьи в связи с именем и исследованиями С.С. Аверинцева, необходимо отметить, что прием перечисления, перечня встречается и в латиноязычной христианской традиции, т.е. в западном варианте христианства. Уже после разделения Церквей на Западную и Восточную, произошедшего в 1054 г., Акафист был усвоен восточнохристианской, православной молитвенной практикой, в то время как на Западе стали распространяться несколько иные молитвенные формы, язык которых

отражал особенности мышления западного человека. Речь идет о литаниях, прежде всего – о самой известной (по преданию, первой) литании – Лоретанской, построенной на приеме перечисления. Русский перевод этой литании идентичен латинскому первоисточнику, и перечисления наглядно видны и в русскоязычном тексте. После каждой номинации Девы Марии следует рефрен *молись о нас*, а сами номинации часто семантически близки к элементам перечисления из византийского Акафиста: *Зерцало справедливости, Престол мудрости, Источник нашей радости, Святыня Духа Святого, Роза таинственная, Дом драгоценнейший, Хранилище Завета, Дверь небесная, Звезда утренняя* [6. С. 432, 433].

Как видно, язык западнохристианской литании более лаконичен, в то время как язык Акафиста более сложен за счет распространения элементов рядов перечисления дополнениями и обстоятельствами. Так, например, семантически схожи образы *ковчеже, позлащенный Духом* (Акафист, икос 12) и *Хранилище Завета* (Лоретанская литания, в некоторых вариантах переводится как *Ковчег Завета*). Ясно, что речь идет о ветхозаветном ковчеге, в котором хранились скрижали с десятью заповедями, т.е. хранилось слово Бога. Позже этот образ осмысливается как Богородичный, так как лоно Девы Марии ассоциируется с замкнутым пространством, в котором также хранится Слово Бога (именно так называли Христа как вторую Ипостась Пресвятой Троицы). Однако образ, использованный в Акафисте, дает больше возможностей для интерпретаций: определение *позлащенный Духом* отсылает уже к евангельскому тексту, где в благовестии архангела Гавриила есть следующие слова: «Дух Святой найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя» (Лк. 1: 35). Определение *позлащенный Духом* точно передает греческий текст и с церковнославянского языка переводится как «позолоченный Духом», «украшенный Духом». Образ драгоценности, золота – один из ключевых образов-символов византийской культуры в целом, а не только византийской литературы: золото «являет собой образ пламенеющего блистания Божьей славы» [Там же. С. 415]; «Равномерное золотое сияние, окутывающее фигуры и пронизывающее всю сцену... переносило изображенное событие в некое иное, далекое от земного мира, измерение, в сферу духовных сущностей, реально являя собой эту сферу» (о византийской живописи) [7. С. 449]. Здесь же видна та особенность перечисления в Акафисте, о которой уже шла речь: рядом с лексемой, обозначающей золото, т.е. в той же самой строке, употреблена синонимичная ей лексема *сокровище*: *Радуйся, сокровище живота неистощимое* (12).

Ряды вышеприведенного перечисления образованы не просто определенным набором лексем, которые в сознании автора репрезентируют событие Боговоплощения, а синонимами, в том числе и контек-

стуальными. Такой усложненный язык Акафиста С.С. Аверинцев относил к способам выразить мировоззренческие особенности византийского автора – и византийской культуры в целом, отличающие эту культуру от, например, латиноязычной культуры западного христианства: «...самые длинные обращения к Матери Божией в Лоретанской литании значительно короче, чем самые краткие – в Акафисте. Эти различия, относясь... не к вероучению, а к литературной форме, никоим образом не являются “только” формальными: они обусловлены разными типами культуры молитвы... Более детально разработанное и гораздо более сложное комбинирование хвалебных формул в византийском гимне создает особую “космическую” перспективу» [2. С. 437].

Таким образом, евангельские события репрезентируются в церковном поэтическом тексте при помощи рядов перечисления (на уровне структуры) и метафорических антиномий, которые часто являлись «строительным материалом» для перечислений (на уровне языка). При этом необходимо помнить, что церковная поэзия имела особую коммуникативную функцию, свое *Sitz im Leben*: она писалась не для того, чтобы показать мастерство владения языком или поэтическими приемами, а прежде всего для использования в богослужебной практике, в том числе для пения или чтения в храмах [8. С. 163, 164]. Поэтому для церковной поэзии, гимнографии характерна «обусловленность формы содержанием» [9. С. 51], соответственно, ряды перечислений, которые наиболее показательны в Акафисте, также являются выражением особого содержания – они представляют те события Священной истории, которые не поддаются разумному осмыслению и объяснению.

Византийские церковные поэты и проповедники активно использовали ряды перечислений, элементы которых являлись как синонимами, так и совершенно не связанными друг с другом образами, на первый взгляд соединявшимися безо всякой логики. Акафист Пресвятой Богородице является здесь наиболее известным, хрестоматийным и показательным примером, так как данный текст практически полностью состоит из таких рядов. В других текстах византийской церковной литературы прием перечисления встречается как часть текста: например в энкомии (похвальном слове) Прокла, архиепископа Константинопольского, относящемся к V в., также перечисляются именованная Дева Марии, выполняющие функции собственно восхваления. В поэтической гомилии (проповеди) преподобного Андрея Критского на Благовещение, датируемой приблизительно VII–VIII вв., перечисление имеет место в речи архангела Гавриила, обращенной к Марии, и также выполняет панегирическую функцию. Таким образом, прием перечисления является типичным для византийской церковной литературы, конкретно – поэзии: даже проповеди, не являющиеся поэтическим жанром, включают в себя элементы раз-

личных литературных родов (как поэзии, так и драмы) и разные приемы поэтики, характерные для этих родов.

Литература

1. *Левашова В.А.* Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1976. 191 с.
2. *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. СПб. : Азбука-классика, 2004. 480 с.
3. *Михайлов А.В.* Избранное. Завершение риторической эпохи. СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2007. 480 с.
4. *Акафисты* Пресвятой Богородице. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2004. 728 с.
5. *Тхорик В.И., Фанян Н.Ю.* Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. М. : ГИС, 2006. 260 с.
6. *Махов А.Е.* Musica Literaria: Идея словесной музыки в европейской поэтике. М. : Intrada, 2005. 224 с.
7. *Культура* Византии. М. : Наука, 1989. 680 с.
8. *Wellesz E.* A History of Byzantine Music and Hymnography. Oxford : Clarendon Press, 1949. 359 p.
9. *Зубова Л.В.* Традиции стиля «плетение словес» у Марины Цветаевой // Вестник ЛГУ. Серия история, языка, литературы. 1985. Т. 912. С. 47–52.

THE REPRESENTATION OF EVENT IN LANGUAGE: THE METHOD OF ENUMERATION IN BYZANTIUM CHURCH POETRY

Volkova A.G. Department of History and Church-practical Disciplines, Kaluga Theological Seminary (Kaluga, Russian Federation).
E-mail: volk8585@bk.ru

Abstract. In the article one can find the analysis of a feature of ancient poetics - the method of enumeration that is used in further literature. This method is analyzed on the example of Byzantium Akathistos to the Theotokos (Virgin Mary), that is complicated not only because of the structure itself but also because of metaphors: each point of the text is a metaphor that needs interpretation using the Holy Scripture or Christian theology. Akathistos is based on the well-known event from the New Testament - Annunciation. But this event that is described very shortly in biblical text in Akathistos gets very complicated metaphors and enumeration. Such analysis of language representation is the way not only to describe the poetics of Byzantium hymnography, the masterpiece of which is Akathistos to the Theotokos but also to see some features of Byzantium mind that influenced on the development of the church poetry.

Keywords: representation; enumeration; akathistos; Byzantium; semantic categories; event; notion.